

ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ

Стихи разных лет

С польского

Тадеуш Ружевич — поэт, прозаик и драматург, и все-таки он остается прежде всего поэтом. О его поэзии в Польше не перестают говорить и писать вот уже 30 лет. Среди последних польских статей, появившихся после выхода его «Собрания стихотворений» (1971, переизд. 1976), одни прослеживают весь его творческий путь, другие возвращаются к его истокам — первым двум книгам стихов («Беспокойство», 1947; «Красная перчатка», 1948), уже ставшим классикой современной польской поэзии.

Голос Ружевича был услышан сразу. После первой книги он был признан как выразитель душевного опыта поколения, как поэт военной биографии, военной темы. В нескольких стихотворениях первой книги, таких, как представленный здесь «Привал», перед нами проходят как бы снятые с натуры кадры партизанской биографии поэта. Поколению его сверстников, «поколению уцелевших» (как их назвали по стихотворению Ружевича «Уцелевший» из его первой книги), пришлось пережить многое. Крах буржуазного польского государства в сентябре 1939 г., крах тех понятий и идеалов, в которых воспитывали недавних подростков классическая гимназия и католическая церковь. Оккупация, фашистский террор, необходимость быть беспощадными в борьбе с беспощадным и бесчеловечным врагом, гибель товарищей, друзей, близких (старший брат Тадеуша Ружевича, тоже партизан и тоже поэт, успевший опубликовать перед войной несколько стихотворений, был расстрелян в 1944 г. гестаповцами). Слово «ламентация» и в польском и в русском языке означает: «жалоба, сетование». Но стихотворение Ружевича «Ламентация» — это скорее крик. Оно заканчивается тройным «не верую»: иллюзии христианского милосердия не выдержали испытания войной.

Память о погибших, о «непорочных юных героях», заставляет Ружевича быть нетерпимым к любым формам мещанства, благополучия, самодовольства, стяжательства (см., например, стихотворение «Расчет»). Из молодого, чисто эмоционального неприятия и отвращения к мещанству в первых книгах стихов эта тема выросла у Ружевича до глубокой и всесторонней критики современной буржуазной цивилизации. Таковы некоторые его драмы, такова его итальянская поэма 1961 г. и примыкающие к ней стихи 60-х гг., созданные в зарубежных поездках. Среди них — стихотворение «Банковский сейф». Раньше о богачах говорили: «денежный мешок». Ружевич создает современную метафору:

Это банковский сейф
гладкая стальная спина
стенки как зеркала...

На наших глазах этот предмет начинает вдруг обрывать человеческими признаками: одна рука, два глаза, щель рта и скважины ноздрей, уши, вторая рука. Наконец, оказывается, что этот полуробот наделен даром речи, а также набором готовых, запрограммированных оценок и высказываний («волшебный закат», «великолепное море»). Любопытно сравнить этот гротеск Ружевича с его лирическим стихотворением о чете старых людей. Действие происходит в тех же «декорациях» средиземноморского побережья, но изображены в нем не «банковские сейфы», а люди. Поэтому и окружающий мир предстает здесь как «мясистый розовый арбуз жизни», как стихия, вечно порождающая богиню любви Афродиту.

Именно потому, что фашизм пытался унижить и оподлить человека, Ружевич неустанно повторяет, что «человека нужно любить»:

Днем и ночью я учил,
что человека нужно любить.
Что нужно любить?
Я отвечал: человека...

(Перевод Бориса Слуцкого)

Именно потому, что фашизм пытался уничтожить культуру, Ружевич с первых же послевоенных лет борется за восстановление и спасение культуры. Символично его стихотворение об алтаре Вита Ствоша. Национальное сокровище поляков — резной готический алтарь XV в., созданный Ствошем для Мариацкого костела в Кракове, был вывезен оккупантами в Германию. В 1946 г. он был найден и возвращен и после четырехлетней реставрации (во время которой с полихромных фигур алтаря были сняты позднейшие красочные слои) вновь находится на прежнем месте. В годы восстановления Польши, ее городов и памятников, это событие вдохновило не одного Ружевича: тогда же написал К. И. Галчинский свою поэму «Вит Ствош». Давид Самойлов, лет десять назад воссоздавший по-русски поэму Галчинского, а недавно написавший свою поэму о краковском мастере, перевел теперь и стихи Ружевича о Ствоше.

В 1945 г., едва выйдя из партизанских лесов и сдав экзамен на аттестат зрелости на курсах для взрослых, Ружевич поступил на отделение истории искусства Ягеллонского университета в Кракове. Вскоре, однако, целиком отдавшись литературе, Ружевич поселился в шахтерском городе Гливице. Сейчас он живет во Вроцлаве, одном из крупнейших, быстро растущих центров промышленности, науки и культуры новой Польши. Ружевич бывал во многих странах Европы, многие его вещи написаны по зарубежным впечатлениям, но центром творчества польского поэта осталась Польша. Обдумывая композицию своего «Собрания стихотворений», объединившего стихи и поэмы из 16 книг, Ружевич завершил его новым стихотворением «образ родины...», которым мы заканчиваем эту небольшую подборку.

Ружевич редко пользуется знаками пунктуации: запятые расставлены лишь в нескольких, наиболее традиционных по форме его стихотворениях (в том числе «Привал»), не всегда стоят точки. Нет точки и в конце стихотворения «образ родины...», а тем самым — и в конце «Собрания стихотворений» Ружевича. Точки и не должно быть. Поэт продолжает работать.

В. БРИТАНИШКИЙ

ИЗ КНИГ 40—50-х ГОДОВ

Привал

Малышка, круглая, как спелый яблок,
переваливается на куцых ножках,
подносит воды в кувшине,
поглядывает лукаво.

Из кувшина, медного обрубка,
студеная хлещет струя,
стекает потоком,
словно проселок, спаленный в пепел.

Пчеловод несет золотые соты,
в бороде, застряв, серчает пчела.
Капрал Медведь
причмокивает со вкусом.

Командир ориентируется по карте,
по значкам, по топографическим знакам,
в небе плывут необозначенные тучки,
жаворонок трепещет на высочайшей башне,
возносит ее, возводит воздушно и стройно,
прядает вниз
и звенит в руках пастушонка
на ивовой ветке.

В саду поворотился подсолнечник.
Девчонка, подвижная, как юла,
отворачивается, отводит глаза.
Капрал Медведь
облизал большой облаженный палец
и громыкает ворчливо:
стройся... стройся.

Перевод ДАВИДА САМОЙЛОВА

Ламентация

К вам обращаюсь ксендзы
учителя художники судьи
сапожники врачи фармацевты
и к тебе отец мой
Выслушайте меня

Я не молод
пусть вас не введут в заблужденье
гибкость моего тела
нежная белизна моей шеи
ясность открытого лба
мальчишеский пух над губой
ангельский смех
легкость походки

я не молод
пусть вас не умиляют
моя невинность
моя наивность
хрупкость и слабость
чистота

двадцатилетний
я был убийцей
орудьем смерти
слепым
как меч палача
я убил человека
и красными пальцами
гладил белые груди женщин

Искалеченный я не видел
ни неба ни розы
ни дерева ни гнезда ни птицы
ни святого Франциска
ни Гектора ни Ахилла
Все шесть лет
из ноздрей вырывался кровавый огонь

Не верую в претворенье воды в вино
Не верую в отпущенье грехов
Не верую в воскресение мертвых

Расчет

Четыре дамочки
в розовых чулочках
зеленая шляпка
с малиновым перышком
четыре дамочки клюют пирожное
пирожное весьма порочное
в такой ноябрьский национальный день
господин за столиком петушится
гребнем своим золотым трясет
официант получите
восходит свет
среди серебряных жирандолей
резвятся птички божьи
которые не сеют не жнут.
Я бывший партизан
пришел сюда поразмыслить
и выпить (я не Савонарола¹)
однако: эта революция
ласкова как лебединая шея.
Залитые ликерами глотки
темновельможных панов
светятся как трубки с неоном.
Павшие на поле брани
непорочные юные герои
так мне вас страшно жаль
так страшно жаль.
Елочки как зеленые звезды
всходят на ваших могилах
Четыре дамочки клюют пирожное
розовое пирожное весьма порочное.

Светит луна

Светит луна
пустынная улица
светит луна
человек убегает

светит луна
человек упал
человек погас
светит луна

светит луна
пустынная улица
лицо умершего
лужа воды

¹ Джироламо Савонарола (1452—1498) — итальянский религиозно-политический деятель; Ружевич имеет в виду проповеди Савонаролы и его борьбу против богатства и роскоши.

Вижу безумных

Вижу безумных
тех что ходили по морю
верили не усумнившись
и утонули

они и теперь накреляют
мою ненадежную лодку
жестоко живой я отталкиваю
их руки мертвые каменные

отталкиваю год за годом

Перевод В. БРИТАНИШСКОГО

Возвращение

Внезапно хлопнет оконница
и мать позовет
пора возвращаться

расступятся стены
взойду на небо в грязных ботинках

присяду к столу и раздраженно
ответчу на вопросы

У меня все в порядке оставьте
меня в покое Сжимая руками голову
сизу и сизу вот эдак Как же
им рассказать о долгой
и путаной дороге

Здесь на небе матери вяжут
на спицах зеленые шарфики

жужжат мухи

отец дремлет у печки
после шести дней работы

Нет — я не в силах
сказать им что человека
человек хватает за глотку.

Перевод БОРИСА СЛУЦКОГО

Открытие первоначальных красок в алтаре Вита Ствоша

Он был занесен илом
красок которые не содержали
света и жизни

Из глубины веков проступили
первоначальные краски
такие живые
словно подручные мастера
только что вынесли алтарь
на весеннее солнце

Выделились фигуры
блеснули рубин смарагд золото
и кровь оживила румянцем
лица апостолов

Перевод ДАВИДА САМОЙЛОВА

ИЗ КНИГ 60—70-х ГОДОВ

Доброжелательство

Земля шевелилась
ворочалась как огромный крот
полна
живьем погребенных

я слушаю твои слова
воспоминанья

я смотрю на живот
твоей женщины
в котором шевельнулся
ребенок

сорвавшиеся с петли
мы улыбаемся друг другу
приветливо и добродушно

Банковский сейф

Это банковский сейф
гладкая стальная спина
стенки как зеркала
спереди груди
с левого боку рука

два
отверстия глаз
длинная щель рта
две скважины
ноздри
губы между
губами зубки
отверстие побольше
язык

две дырки
прикрытые ракушками
уши
ногти на ноге
нос на лице
с правого боку рука
это банковский сейф
гладкий
с волосами
там и сям
с волосками
с волосами на голове
с пучками волос под мышками
еще отверстие крашенное
зеленой краской
белые груди
прикрывает рукой глаза
говорит
волшебный закат
великолепное море
укладывается на боку
на морском берегу
на песке

Перевод В. БРИТАНИШСКОГО

Марс

Комната

в ней семья
состоящая
из пяти или шести человек

кто читает книгу
кто разглядывает фотографии
кто вспоминает войну
кто засыпает кто уходит
кто потихоньку умирает
кто пьет воду
кто ломает хлеб
Янек выводит букву А
рисует рыцаря с голубой шпорой
кто собирается на луну
кто приносит розу птицу рыбу
падает снег
звонит колокол

приходит Марс
его меч
наполняет огнем
комнату

Снятие ноши

Пришел к вам
и говорит

вы не отвечаете
ни за мир ни за его гибель
с ваших плеч снимается ноша
будьте же как птицы и дети
забавляйтесь

и забавляются

забывают
что современная поэзия
это борьба за право дышать

■ ■ ■

Чета
стариков
ступает неуверенно осторожно.

из пены
выпрыгивает
нагая
вся сияющая
безрукая безголовая
богиня любви
Афродита

черная
косточка
в мясистом
розовом
арбузе жизни

мужчина и женщина
медленно погружают
изношенную до прозрачности кожу
в море

они выходят на берег
по-прежнему держа друг друга
за руки

Перевод БОРИСА СЛУЦКОГО

■ ■ ■

образ родины

родина край детства
место рождения
это малая самая близкая
родина

город село селенье
улица дом усадьба
первое чувство
лес на горизонте
могилы

познаются в детстве
цветы травы злаки
звери
луга нивы
слова плоды

улыбается родина

сперва расположена родина
в округе
протянутой руки

только потом вырастает
кровоточит
болит

Перевод ДАВИДА САМОЙЛОВА

ТАПИО ТАПИОВААРА. Вечер в Чёкере. Гравюра на дереве